

Политика и поэтика

«Щепка» и «Бледная правда» В. Зазубрина и «Шоколад» А. Тарасова-Родионова как «неуместные» произведения: к проблеме «красного террора» в литературе 1920-х годов*

Елена Проскурина

Институт филологии

Сибирское отделение Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: proskurina_elena@mail.ru

Аннотация. В статье проблема «красного террора» раскрывается на малоизвестном материале. Рассказ сибирского писателя В. Зазубрина (1895–1937) «Бледная правда» (1923) в советское время был опубликован лишь единожды – в 1923 г. в журнале «Сибирские огни»; повесть «Щепка» (1923) не была издана при жизни автора и впервые опубликована лишь в 1989 г. Повесть А. Тарасова-Родионова (1885–1938) «Шоколад» (1922) несколько раз переиздавалась в 1920-х гг., после чего была забыта на десятилетия. В работе прослеживается история создания «Щепки», до настоящего времени содержащая множество «белых пятен». Раскрывается своеобразие сюжета, в котором образ главного героя противоречит канону «железного рыцаря революции»: устав от своей расстрельной «тяжкой работы», он сходит с ума. Показано типологическое сходство «Щепки» с повестью «Шоколад», в основу сюжета которой также положена драматическая история героя-чекиста. Особое внимание уделено рецептивному диалогу рассказа Зазубрина «Бледная правда» с «Шоколадом»: в обоих произведениях герои, преданные делу революции, становятся ее невинными жертвами. Перекликаются оба произведения и по своему пафосу оправдания «красного террора» идеей «будущего прекрасного человечества». В плане творческой рецепции показаны сюжетные переключки «Бледной правды» с «Шоколадом», сходство в образах главных персонажей и отдельных элементах поэтики. Обосновывается «неуместность» произведений Зазубрина и Тарасова-Родионова для советской литературы. В качестве основного фактора выдвигается несоответствие их сюжетов ведущим идеологическим максимам эпохи.

Ключевые слова: русская литература, В. Зазубрин, А. Тарасов-Родионов, «красный террор», творческая рецепция, фонд Н. Яновского Государственного архива Новосибирской области.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 18-412-540003 «“Паралипоменон” сибирской литературы XX века в архивах и книжных собраниях Новосибирской области».

Received: 17/07/2019. **Accepted:** 12/08/2019

Copyright © 2019 Elebne Proskurina. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Licence, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

The Chip and *The Pale Truth* by V. Zazubrin and *Chocolate* by A. Tarasov-Rodionov as “irrelevant” works: to the problem of “Red Terror” in the literature 1920s

Elena Proskurina

Institute of Philology

The Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Summary. In the article, the problem of «red terror» is revealed in a little-known material. The story of the Siberian writer V. Zazubrin (1895–1937) *The Pale Truth* (1923) was published only once in Soviet times – in 1923 in the journal “Siberian Lights”; the novella “Sliver” (1923) was not published during the life of the author and was first published only in 1989. The story of A. Tarasov-Rodionov (1885–1938) *Chocolate* (1922) was reprinted several times in the 1920s, after which it was forgotten for decades. The work traces the history of the creation of the *Chip*, which until now contains many “white spots”. The originality of the plot is revealed, in which the image of the main character contradicts the canon of the “iron knight of the revolution”: tired of his firing “hard work”, he is going crazy. The typological similarity of the *Chip* with the story *Chocolate* is shown, the plot of which is also based on the dramatic story of the hero. Particular attention is paid to the receptive dialogue of the story *The Pale Truth* notch with *Chocolate*: in both works, heroes devoted to the cause of the revolution become its innocent victims. Both works echo and, in their paths of justifying the “Red Terror”, the idea of “the future of beautiful humanity”. In terms of creative reception, the plot rolls of *The Pale Truth* with *Chocolate*, similarities in the images of the main characters and individual elements of poetics are shown. The “irrelevance” of Zazubrin and Tarasov-Rodionov’s works for Soviet literature is substantiated. The main factor is the discrepancy between their plots and the leading ideological maxims of the era.

Keywords: Russian literature, V. Zazubrin, A. Tarasov-Rodionov, “Red Terror”, creative reception, Fund of N. Yanovsky of the State Archives of the Novosibirsk Region.

Ни «Щепку» и «Бледную правду» В. Зазубрина¹, ни «Шоколад» А. Тарасова-Родионова² нельзя отнести к известным современному читателю литературным шедеврам. Однако эти произведения оказались у истоков темы «красного террора» в художественной литературе 1920-х гг., что вызывает особый интерес в контексте все более повышающейся актуальности данной темы в исторической перспективе.

В разделе «Хроника» журнала «Сибирские огни» за 1928 г. (№ 2) дана краткая информация о том, что «В клубе Н-ской дивизии ГПУ с докладом “Чека и ГПУ в литературе” выступил т. Зазубрин, впервые прочитавший отрывки из нового своего романа “Щепка”». Текст доклада, к сожалению, отсутствует, что порождает множество вопросов. Прежде всего, какие произведения, помимо «Щепки», были приведены в докладе. Наиболее вероятно, что речь шла о повести Б. Пильняка «Иван да Марья», вышедшей в 1922 г. в издательстве З. И. Гржебина, а также о повести А. Тарасова-Родионова «Шоколад», впервые опубликованной в журнале «Молодая гвардия» в декабре того же 1922 г. В письме сибирскому писателю Фе-

¹ Владимир Яковлевич Зазубрин (1895–1937) – сибирский писатель, получивший наибольшую известность как автор «первого советского романа» «Два мира», написанного в 1921 г., что широко ввело его имя в новую литературу: за советское время «Два мира» претерпели более десяти переизданий. Еще одной «визитной карточкой» В. Зазубрина было его активное участие в собирании сибирских литературных сил, увенчавшееся созданием в 1922 г. журнала «Сибирские огни». Главными произведениями Зазубрина, кроме «Двух миров», стали рассказы «Бледная правда» и «Общежитие», созданные в начале 1920-х гг., а также незавершенный роман «Горь» (1930-е). Повесть «Щепка» увидела свет лишь в конце 1980-х гг.

² Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов (1885–1938) – писатель, участник группы «Кузница», один из организаторов группы «Октябрь», после ее распада – участник РАПП. Наиболее известное произведение – повесть «Шоколад».

октисту Березовскому из Канска от 27 марта 1923 г. Владимир Зазубрин признался, что в период работы над первыми редакциями повести «Щепка» он не был знаком с «Шоколадом»: «"Шоколад" не читал, к сожалению. И нет его здесь, да и денег нет, чтобы выписать. Жаль» (Литературное наследство Сибири 1972, 359). Однако, по всей вероятности, вопрос Березовского, знает ли Зазубрин повесть «Шоколад», заинтриговал писателя, и вскоре он нашел возможность прочитать произведение Тарасова-Родионова, о чем можно судить, сопоставляя сюжет его произведения с сюжетом и некоторыми аспектами поэтики рассказа Зазубрина «Бледная правда», опубликованного в 4-м номере (июль-август) журнала «Сибирские огни» за 1923 г.

Второй вопрос касается истории создания «Щепки», в которой до сих пор много белых пятен. После того, как был написан первый вариант, повесть читалась в литературных кругах не только Сибири, но и Москвы, куда ее привез соратник Зазубрина по «Сибирским огням» В. Правдухин с согласия Зазубрина. Издание повести не было поддержано ни «сибогневцами», ни редакцией московской «Красной нови». После этого Зазубрин решается на переработку «Щепки», пишет новую редакцию, пробует расширить сюжет до границ романа. Текст его, к сожалению, не известен. Возможно, его можно отыскать в архивах НКВД. Скупые, отрывочные сведения о работе над «Щепкой» содержатся в указанном письме В. Зазубрина Ф. Березовскому:

«Щепку» свою я, безусловно, буду расширять, перерабатывать. Большое Вам спасибо за критические замечания об ней. В них есть мысли верные и нужные. ... А читали ли Вы ее во второй редакции? <...> Провал «Щепки» хлестнул меня по карману... Но я ведь упрямый – без итанов, а писать буду. «Щепку» же буду передельывать непременно, если бы даже ее и напечатала Москва.

(Там же, 358–359)

Уточняющие сведения даны в примечании к этому письму, сделанные сибирским критиком Н. Яновским:

Повесть «Щепка», как явствует из письма, и во второй редакции была отклонена редколлегией «Сибирских огней». Не появилась она и в «Красной нови», хотя В. Вегман в воспоминаниях писал: «Теперь Зазубрин рад, что повесть в свое время не была напечатана, теперь он сам ее находит не вполне удачной. Сейчас он занят совершеннейшей проработкой темы, легкой в основу «Щепки». ... Вплоть до 1928 г. Зазубрин работал над романом «Щепка». Рукопись не сохранилась.

(Там же, 361)

Томский исследователь Р. И. Колесникова, обнаружившая рукопись «Щепки» в рукописном отделе Библиотеки им. Ленина (РГБ), как она пишет в своих воспоминаниях, «через 45 лет» после гибели писателя (Колесникова 2007, 427)³, полагает,

³ Датировка исследователя расходится со сведениями Н. Яновского, подготовившего второй том Литературного наследства Сибири в 1972 г., из которого, как он писал в своих воспоминаниях, цензура исключила «Щепку»: «В 1971 году я сформировал том, целиком посвященный В. Зазубрину. В него должны были войти (и входили) повесть "Щепка", рассказы "Бледная правда", "Общежитие" и другие его художественные, публицистические, литературно-критические произведения. Предваряла эту публикацию моя статья

что над произведением Зазубрин работал до конца своей жизни. Основанием для этого умозаключения стали для нее письма Зазубрина Горькому, в которых он сначала прямо, а в дальнейшем все более иносказательно писал о «Щепке» как о своей главной книге (Там же, 442–443)⁴.

Нет сомнения в том, что перед сотрудниками ГПУ Зазубрин читал переработанные главы «Щепки», к 1928 г. уже разросшейся до романного формата, ибо, как верно замечает В. Яранцев в своей книге о Зазубрине, «трудно представить, как в такие накаленные борьбой с Троцким и оппозицией дни можно было читать пуб-

“Несобранные произведения В. Зазубрина”. А сначала она была опубликована в журнале “Сибирские огни” в 1971 г., № 8. С этого времени и началась беспощадная критика и статьи, и второго тома “Литературного наследства Сибири” ... Вопрос был вынесен даже на бюро обкома, на котором моя статья с помощью некоторых наших писателей Новосибирска была осуждена и вынесена рекомендация об освобождении меня от занимаемой должности заместителя главного редактора журнала... В 1972 году второй, “зазубринский” том “Литературное наследство Сибири” вышел в изуродованном виде. В нем уже не было ни повести “Щепка”, ни других ценных материалов» (ГАНО, ф. 272, оп. 1, д. 182, л. 1). Вероятнее всего, в своих воспоминаниях Р. Колесникова ведет отсчет не от времени гибели Зазубрина (1937 г.), а от даты, указанной в обнаруженной ею рукописи «Щепки»: 23 апреля 1923 г. (ОР РГБ, ф. 9, п. 5, ед. хр. 217, л. 1–62). В противном случае собрание зазубринского тома «Литературного наследства Сибири» осуществлено Н. Яновским ранее находки Р. Колесниковой. Однако приведенные ею факты, в том числе и взаимоотношений с Н. Яновским, свидетельствуют о том, что роль первооткрывателя «Щепки» принадлежит именно ей. Приведем эти фрагменты воспоминаний: «Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. Сегодня я здесь последний день. Уже вечер, пора уходить. Пересмотрено всё, что как-то могло касаться моих забот. Напоследок, без особых надежд, ещё несколько фондов, не литераторов, а просто так или иначе имевших отношение к “Сибогням” середины 20-х. И вот... О-о, “рукописи не горят”?! Но не радость, не восторг-ликование, а что-то вроде подступивших рыданий перехватило горло. “Зазубрин В. Я. Щепка. Повесть. Ф. 9, папка №5, ед. хр. 217, л. 1 – 62”. И здесь же: “Правдухин В. П. Повесть о революции и личности. Ф. 9, папка №5, ед. хр. 216, л. 1–4”... Листы папиросной бумаги, какого-то слеповатого экземпляра машинописи через цветную копирку. Повесть “Щепка” одного цвета. И приложенное к ней предисловие критика В. Правдухина – другого. <...> Неприятно-горько помнить собственную наивность, с которой я откликнулась на просьбу Н. Н. Яновского. Об архивных находках и известных мне адресах он узнал от моего коллеги С. Парамонова, публиковавшегося тогда в “Сибогнях”, и прислал мне одно за другим изысканно дипломатичные золочёные письма. И я запросто отдала ему всё для совместной публикации. (Мне-то ведь тоже доверяли и А. Топоров, и Я. Диман, и все-все, к кому я обращалась). Яновский тогда, ещё глазам своим не веря, вскочил со стула, с пачкой моих карточек в руках, и со счастливым трибунным пафосом восклицал: “Да мы же с вами мир потрясём! Мы литературную Сибирь заново откроем!! Ваша публикация, мои комментарии!...”. Вполне обошёлся без меня. (“Ну, а кто вы такая? Откуда я знаю, на что вы способны? У меня ...дцать монографий, а ваших книг я пока не видел”). Это было подло. Мир покачнулся и почернел. Но теперь я уверена, и справедливости ради должна сказать, что лучше, чем Яновский, в те времена никто бы не сумел утвердить повесть в литературе ещё 20 века. Он как замредактора журнала “Сибирские огни” и пр. и пр. получил права на публикацию, заручился поддержкой вдовы, сестры, оставшихся в живых коллег Зазубрина, мобилизовал интерес авторитетных писателей. И на излёте советской власти “Щепка”, с его предисловием и комментариями, была опубликована в Новосибирске, Красноярске (с предисловием В. П. Астафьева), Иркутске, Омске... Не удивлюсь, если это с его подачи зарубежное радио (“Голос Америки”? “Свобода”?) подготовило и транслировало впечатляющий радиofilm по мотивам “Щепки”» (Колесникова 2007, 423–424, 427). На радио «Свобода» повесть «Щепка» была прочитана Ю. Паничем в апреле 1989 г. См.: (Словесность, растворённая в эфире). В 1992 г. по повести Зазубрина был снят В. Рогожкиным фильм «Чекист». Справедливости ради следует отметить, что еще до публикации повести, в полном тексте статьи Яновского «Несобранные произведения Владимира Зазубрина двадцатых годов», напечатанной в восьмом номере «Сибирских огней» за 1971 г. (в сокращенном варианте статья опубликована во втором томе «Литературного наследства Сибири»), есть краткое сухое примечание: «Повесть “Щепка” обнаружена Р. Колесниковой. См.: Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 9, п. 5, ед. х. 217» (Яновский 1971, 166).

⁴ На наш взгляд, в переписке Зазубрина с Горьким 1930-х гг. речь идет не о «Щепке», а о романе «Горь».

лично, перед самим ГПУ, о том, какими кровавыми палачами и сумасшедшими они являются» (Яранцев 2012, 445). Первая публикация в журнале «Сибирские огни» (1989, № 2) и последовавшие за ней книжные републикации воспроизводят вариант повести, датированный по рукописи 1923 г., где жесткий сюжет еще не подвергнут кардинальной правке.

О замысле «Щепки» Зазубрин расскажет в «Заметках о ремесле», опубликованных в том же номере «Сибирских огней», где дана информация о прочитанном им докладе перед работниками ГПУ. Возможно, начало «Записок» отражает ситуацию на этой встрече:

На многолюдном собрании во время перерыва один любезный товарищ подошел к молодому писателю и спросил:

- Вы автор книги...? – любезный товарищ назвал только что появившийся роман молодого писателя.

- Я.

- Как верно у вас описаны расстрелы... Вам что – приходилось самому? Вы участвовали?

Молодой писатель улыбнулся:

- Вам это, так сказать, на какой предмет?

Любезный товарищ расхохотался.

- Нет-нет, я просто так, из любопытства, из литературного любопытства.

Мне это дело, видите ли, очень хорошо знакомо...

(Зазубрин 1990, 370)

Далее Зазубрин разворачивает ретроспекцию собственного погружения в чекистскую тему, инициированного знакомством с «любезным товарищем» – работником чека. В своем повествовании он прибегает к приему двойничества: раздвоение героя на «молодого писателя» и его «товарища» построено по модели «Двойника» Достоевского⁵.

Идея нового романа у него [молодого писателя – Е. П.] возникла в результате знакомства с любезным товарищем. Он рассказывал мне об этом человеке с чувством какой-то нежной признательности.

- Ведь любезный товарищ – один из немногих людей, говоривший со мной с подлинной товарищеской откровенностью. Когда он мне рассказывал о своей тяжчайшей работе, я понял, что попал на нетронутые россыпи материала.

(Зазубрин 1990, 373)

Оправдательная интонация «Записок» – способ продемонстрировать сохраняющуюся верность революции (что особенно показательно в именовании работника

⁵ Достоевский и Толстой были для Зазубрина непревзойденными литературными авторитетами. «Подлинными владыками его дум были Толстой и Достоевский, – вспоминал сибирский писатель Ник. Смирнов. – Таких подлинных сердцеведов, – убежденно говорил Зазубрин, – нет не только в русской, но и в мировой литературе. ... это два наших неизменных “вечных спутника”: у Толстого мы должны учиться могучей силе чувственно осязаемого слова, искусству прикосновения к Матери-Земле, а у Достоевского – мастерству исследования души человеческой и проникновения в ее самые потаенные глубины» (Литературное наследство Сибири 1972, 432).

чека «любезным товарищем») в сложный для Зазубрина период критических нападков, итогом которых стало его устранение из «Сибирских огней»⁶. Повествование сопровождается мотивом соблазна, в чем также ощущается влияние Достоевского: в образе «товарища» начинают мерцать черты карамазовского чёрта:

Мой товарищ оказался старательным приискателем. Пять лет он упорно разрабатывал найденную жилу. Теперь его работа близка к концу. <...> В течение этих пяти лет мой товарищ диктаторски определял круг моих знакомств ... толкал меня исключительно на встречи с работниками ГПУ или с людьми, знавшими работу этого учреждения. Он буквально дрожал, как охотничья собака, почуявшая дичь, когда ему попадался интересный чекист. Часто мне казалось, что он обрывает всю мою жизнь в сплошную охоту за людьми.

(Там же, 373–374)

Для Зазубрина как автора «Записок» прием двойничества становится способом отчуждения от опальной «Щепки», но, вместе с тем, через образ «другого» раскрывает его психологическое состояние в период работы над «нетронутыми россыпями материала». Скольжение между притяжением к соблазнительной теме и отталкиванием от нее выражено в «Заметках» мотивом несвободы автора от собственного двойника, который ему «порядочно надоедал и мешал», «лишил ... самых простых радостей бытия». «Обмануть его и улизнуть куда-нибудь одному» становится редкой удачей. Из этих исполненных самоиронии строк сквозит усталость Зазубрина от избранной темы, над которой к моменту создания «Записок» он работал пять лет. Можно согласиться с мнением В. Яранцева, что писатель «определял свой новый роман как род болезни» (Яранцев 2012, 459) и с радостным удовлетворением сообщал в «Заметках» о том, что роман «будет скоро закончен и напечатан» (Зазубрин 1990, 372). Замысел этот, однако, так и остался нереализованным.

Тема «красного террора» в начале 1920-х гг. заявила о себе еще немногими произведениями. Кроме «Ивана да Марьи» Пильняка и «Шоколада» Тарасова-Родионова, можно назвать роман «Жизнь и гибель Николая Курбова» И. Эренбурга. Отрывки из него Зазубрин мог прочитать в декабрьском номере «Красной нови» за 1922 г., а целиком – в следующем году, когда роман вышел отдельным изданием в Москве, а затем в Берлине. Любопытно, что все названные произведения были созданы в одном и том же 1922 г. Пунктирно, без сюжетного развертывания названная тема проведена ранее в романе Пильняка «Голый год» (1920). В 1923 г. Зазубрин завершает первый вариант «Щепки» и издает рассказ «Бледная правда».

В приведенном литературном ряду «Щепка» – единственное произведение, не дождавшееся публикации при жизни автора. И здесь возможны несколько причин. Во-первых, из всех созданных в 1920-е гг. произведений на чекистскую тему «Щепка» беспрецедентна по своей кровавости. Повесть начинается с натуралистических сцен массовых расстрелов в подвалах чека. Густота жестких метафор, сеть неочи-

⁶ Подробно история «изгнания» Зазубрина из его любимого детища – «Сибирских огней» – приведена и проанализирована в книге: (Яранцев 2012).

данных окказиональных ассоциаций при изображении карательного быта чекистов и их жертв выдвигают происходящие события за границы здравого смысла, становятся знаками хаоса, сдвинувшегося с основ мира: «стальные ноги грузовиков», «каменная пустобрюхая глыба потолка», «бледная лихорадка» луны, «хруст снежных костей», «огненные волдыри ламп», «спины сгорбившихся сугробов», «фыркающая одышка мотора», «колбасы рук и ног» и др. Эмблемой жизненного абсурда служит в повести дом купца Иннокентия Пшеницына, на вывеске которого ранее, золотом по черному, было написано: «Вино. Гастрономия. Бакалея», теперь же пятнами краснеет новая надпись: «Губернская Чрезвычайная Комиссия». Там, где ранее в подвалах у Пшеницына «хранились головы сыру, головы сахара, колбасы, вино, консервы» – теперь «головы арестованных», «колбасы рук и ног» (Зазубрин 1990, 52).

В процессе движения сюжета перед героем повести все отчетливее открывается несоответствие того идеалистического образа Революции – «любовницы прекрасной», который сложился в его романтическом сознании, с ее реальным «жестоким» лицом. С этим связана вторая причина «неудобности» «Щепки»: изображение главного персонажа не соответствовало каноническому образу «железного рыцаря революции», эталоном которого являлся глава чека Ф. Дзержинский. Зазубринский Срубов – рефлексирующий герой-палач, ставший жертвой своей страшной профессии: не выдержав участия в кровавых расстрелах, он сходит с ума. Редкий случай, когда в истории своего героя автор оказался верен не идеологическим шаблонам, а неудобной времени жизненной правде. Так, в документальном эссе В. Шенталинского «Расстрельные ночи» дано яркое описание поведения чекистов-расстрельщиков:

Палачи жили как нелюди. Приходилось приводить в исполнение по много приговоров в день. Стреляли из револьвера «наган» почти в упор, в затылок, возле левого уха. Наганы раскалялись, обжигали – тогда их меняли, целый ящик был наготове. На руках – резиновые перчатки, на груди – фартук.

Стресс снимали водкой – положено по инструкции. Сознание затуманивалось, нагоняли на себя злобу, представляя, что перед ними и впрямь злейшие преступники, враги. Многие спивались, повреждались в уме.

(Шенталинский)

Приведем один из эпизодов «Щепки»:

Трое стреляли как автоматы. И глаза у них были пустые, с мертвым стеклянистым блеском. Все, что они делали в подвале, делали почти произвольно ... механически поднимали револьверы, стреляли, отбежали назад, заменяли расстрелянные обоймы заряженными. Ждали, когда уберут трупы и приведут новых. Только когда осужденные кричали, сопротивлялись, у троих кровь пенилась жгучей злобой. Тогда они матерились, лезли с кулаками, с рукоятками револьверов. И тогда, поднимая револьверы к затылкам голых, чувствовали в руках, в груди холодную дрожь. Это от страха за промах, за ранение. Нужно было убить наповал. И если недобитый визжал, харкал, плевался кровью, то становилось душно в подвале, хотелось уйти и напиться до потери сознания. Но не было сил. Кто-то огромный, властный заставлял торопливо поднимать руку и приканчивать раненого.

(Зазубрин 1990, 43)

Среди документальных свидетельств еще более рельефно выписан этот тип чекиста в «Крымских записках» 1921 г. С. Н. Шиль:

В больницах Севастополя ... лежали люди, истощенные голодухой, и умирали. Но там были еще другие, страшные пациенты в психиатрическом отделении. Это были люди, сошедшие с ума в тех учреждениях, где их обязанностью было допрашивать, пытать и расстреливать. Сестра милосердия, ухаживавшая за сумасшедшими, рассказывала, что этих людей преследуют страшные кошмары пыток, что они опрометью бросаются к ней и умоляют ее увести их подальше. Но им спастись было некуда, эти видения родил их мозг, не вынесший ужасов. Сестра милосердия говорила, что есть сумасшедшие офицеры, не вынесшие пытки и ожидания расстрела ... но их бред и их кошмары не достигали того исступления, в пароксизмах которого бились, вопили и рыдали палачи.

(Шиль 2018, 255)

В своих «Заметках о ремесле» Зазубрин признался, что как раз в сумасшедшем доме искал «“героев” из романа своего товарища» (Зазубрин 1990, 376). Вместе с тем, и в сознании зазубринского Срубова, и в позиции автора отчетливо звучит мотив оправдания «красного террора» – через ассоциативную связь образа революции с образом Богородицы:

А Она не идея. Она – живой организм. Она – великая беременная баба. Она баба, которая вынашивает своего ребенка, которая должна родить ... Но для воспитанных на римских тогах и православных рясах Она, конечно, бесплотная, бесплодная богиня с мертвыми античными или библейскими чертами лица в античной или библейской хламиде. ... Но для меня Она – баба беременная, русская, ширококозадая, в рваной, заплатанной, грязной, вишовой холицовой рубахе. И я люблю Ее такую, как Она есть, подлинную, живую, не выдуманную. ... Она думает великую думу матери о зачатом, но еще не рожденном ребенке. И вот Она трясет свою рубашку, соскребает с нее и с тела вшей, червей и других паразитов – много их присосалось – в подвалы, в подвалы. И вот мы должны, и вот я должен, должен, должен их давать, давать, давать.

(Зазубрин 1990, 51–52)

По логике сюжета, рождаемый в муках новый мир несет спасение человечеству. (Подробно см.: Проскурина 2018).

Этим главным пафосом, а также перерождением героя из палача в жертву террора повесть Зазубрина типологически соотносится с повестью Тарасова-Родионова «Шоколад», где готовность к жертве невинно осужденного на расстрел главного героя Зудина, председателя губернской чека, звучит еще более отчетливо. Событийная канва повести такова: бывший рабочий, ставший профессиональным революционером, не колеблясь, подписывает расстрельные статьи. Среди арестованных чекистами оказалась бывшая балерина Елена Вальц, уверившая Зудина в непричастности к контрреволюционному заговору. После своего освобождения Вальц удаётся по ходатайству Зудина устроиться в чека на должность «переписчицы». Хорошо знакомая с искусством обольщения, она безуспешно пытается соблазнить Зудина. По-

знакомившись с его семьей, Вальц втайне от Зудина дарит его жене пару шелковых чулок, а детям – по плитке шоколада. Честный Зудин, узнав о подарках, требует их вернуть. Но жене стыдно обидеть Вальца, и она уговаривает Зудина оставить подарки. Через некоторое время Вальц, воспользовавшись доверчивостью родителей одного из арестованных, бывших купцов, вымогает у них взятку золотом в обмен на освобождение сына. Делает она это якобы по тайному приказу Зудина. Ее афера удается, однако вскоре обман раскрывается, и по городу начинают ползти слухи о чекистах-взяточниках. Присланная из ЦК партии комиссия утверждает виновность Зудина, несмотря на его доводы и признания самой арестованной Вальца. Во время ареста Зудину снятся сны, в которых рабочие разных стран обвиняют его в предательстве. Символом предательства во всех случаях становится шоколад как эмблема сладкой жизни буржуазного мира. В результате Зудина приговаривают к расстрелу как взяточника ради сохранения авторитета партии. В ожидании расстрела герой после долгих размышлений признает справедливость вынесенного ему приговора: «Ведь, в сущности, важно только одно, – чтобы дело, дело скорейшего счастья всех людей не погибло. Вот что единственно важно, а все другое...» (Тарасов-Родионов)⁷.

После публикации повесть получила резкие критические отзывы, основанные на клеветнической позиции автора. Ее обоснование держалось на том, что герой Тарасова-Родионова после гибели своего друга-чекиста отдает приказ о расстреле сотни арестованных без суда и следствия: «Да подайте же сейчас мне список, сколько арестованных за нами сидит. Надо сотнягу прикончить на память ... Эту мразь не отпускать! На террор ответим террором. За личность ударим по классу!». Остроту критическим оценкам «Шоколада», несомненно, задавала позиция А. Воронского, главного редактора «Красной нови», куда первоначально писатель предложил повесть, но, получив отказ, передал ее в «Молодую гвардию» (См.: Тарасов-Родионов 1992, 253):

У нас были массовые расстрелы, были расстрелы заложников, но ни партия, ни органы советской власти никогда не мотивировали их по-зудински, бей первых встречных, потому что нужно ударить не по личности, а по классу. Старались заложника-ми взять наиболее известных в прошлом слуг реакции, особенно вредных и т.д.

(Воронский 1923)

Этим отношением Воронского к «Шоколаду» можно объяснить также его отказ Зазубрину в публикации «Щепки», которая, помимо неканоничного образа чекиста, поражает избыточным натурализмом поэтики, чего нет в повести Тарасова-Родионова⁸.

⁷ Здесь и далее цитаты из повести приводятся по указанному в библиографии электронному ресурсу.

⁸ Неканоничны, кстати сказать, и образ главного героя, и стратегия сюжета в романе И. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова». Здесь главный герой-чекист, со сложным сиротским прошлым, не менее беспощаден к врагам революции, чем Зудин. Аскет и бесребренник, он неожиданно для себя влюбляется в участницу контрреволюционного заговора, которой поручено его убить. Чувство героя оказывается взаимным, и юная героиня отказывается от выполнения данного ей задания. Но сам Курбов не смог простить себе проявленной слабости и покончил с собой. Знаменательно, что после первой публикации это произведение Эренбурга в советский период больше не переиздавалось.

Но была и другая причина критики «Шоколада», которая зеркально отражает сложившуюся ситуацию в отношении «Щепки». Она связана с переходом к нэпу и затуханием политики «красного террора» после окончания Гражданской войны. Последним годом существования ВЧК стал 1921-й, после чего она была реорганизована в ГПУ. С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1 июля 1922 г. действиям карательных органов был придан статус юридической законности. Уже с 1921 г. «пошла кампания изъятия у ВЧК наиболее мощных полномочий. Сначала отобрали право на бессудные расстрелы, ... затем ввели хоть какой-то надзор со стороны прокуратуры или ВЦИК, подключили к проверкам Рабоче-крестьянскую инспекцию по контролю. Конец 1921 года – это время заметных урезаний полномочий ВЧК и все более частой критики этой спецслужбы с верхов власти, в том числе и из уст самого Ленина» (Симбирцев 2008). Таким образом, «чрезвычайные» действия героев-чекистов как в «Шоколаде», так и в «Щепке» оказались политически несвоевременными.

Однако, при множестве критических оценок, касающихся как политического контекста повести, состоящего в нарушении негласного запрета на детализацию темы «красного террора», так и низкого качества ее художественности, «Шоколад», в отличие от «Щепки», был не только издан, но и переиздан четырежды в течение 1920-х гг.⁹. Авторы статьи «Грани скандала: повесть А. И. Тарасова-Родионова “Шоколад” в политическом контексте 1920-х годов» Д. Фельдман и А. Щербина связывают этот факт с антитроцкистской кампанией, убедительно доказывая, что произведение направлено против Льва Троцкого, карикатурой которого выведен автором партийный карьерист Шустрый – главный обвинитель героя Зудина. После разгрома Троцкого и троцкистов к концу 1920-х гг., когда власть Сталина утвердилась окончательно, актуальность «Шоколада» отпала, после чего повесть в советское время больше не переиздавалась (См.: Фельдман, Щербина 2007).

В творчестве Зазубрина с именем Троцкого связан рассказ «Общежитие», созданный в том же продуктивном для автора 1923 г., о чем нам подробно приходилось писать (Проскурина 2018а). Переключка с сюжетом и отчасти поэтикой «Шоколада», на наш взгляд, есть в другом произведении Зазубрина – рассказе «Бледная правда». Историческое время в рассказе – период нэпа. Его герой Аверьянов – бывший кузнец «с железными сгустками мускулов» (Зазубрин 1990, 92). В этой характеристике слышна ассоциация с «железным рыцарем революции», что настраивало читателя-современника на восприятие образа героя как честного, неподкупного, бескомпромиссного человека. Собственно, таковым он и представлен в рассказе. Пройдя Первую мировую и Гражданскую войны, после победы «красных» Аверьянов определен партией в начальники «дома лишения свободы» (Там же), где выпрашивает у посетившего тюрьму М. И. Калинина отмену смертельного приговора четверем заключенным, среди которых бывший колчаковский интендант Латчин. О прошлом этих четырех смертников Аверьянов ничего не знает, ему лишь хочется, чтобы «всероссийский староста» оставил по себе добрую память. Вскоре героя ждет

⁹ Историю издания повести см.: (Фельдман, Щербина 2007).

новое назначение, на этот раз комиссара Упродкома, крупной продовольственной конторы. Аверьянов не знаком с этой работой и берет себе в помощники Латчина «как спеца по бумажной части» (Там же, 98). Работая наизнос, отдавая всего себя новому делу, герой не замечает творящегося вокруг него воровства, которое умело прикрывает Латчин подделкой документации. Случайно узнав всю «бледную правду», Аверьянов немедленно передает сведения в ГПУ. Однако Латчин и его сподручные переводят всю вину на Аверьянова как инициатора экономического преступления, в результате чего длящийся несколько дней суд выносит оклеветанному герою вместе с истинными виновниками суровый приговор: расстрел.

На первый взгляд кажется, что в сюжетах двух произведений нет ничего общего. Однако их детальный анализ позволил выявить ряд соответствий как в образах героев и сюжетных ситуациях, так и в поэтике. И Аверьянов, и Зудин, оба бессребреники, каждый по-своему, до беспощадности преданы делу, которому служат. Приведем два примера.

Шоколад:

В кабинете Зудина раскрыта форточка... Давно нетопленная посиневшая комната теперь дышит холодной и затхлою сыростью...

Зудин, обросший щетиною щек и злой, как крыса, грызет за столом карандаш.

Эта подлая травля ему надоела. Он больше не потерпит.

Что есть силы, он ударяет по столу, отчего звенит чернильница и скатываются на пол ручки. Он кому-то грозит в угол зашибленным кулаком, хотя в комнате никого больше нет.

Дело ясное: под него подкапывается Фомин. Это он интригует против него через Игнатьева, и, разумеется, Зудин чувствует, не может не чувствовать эти тысячи мелких придирочек и косые взгляды товарищей из парткома. Ну, да он им покажет! Он выведет всех их на чистую воду!

<...>

«И как хитро ведут кампанию, подлецы, – возмущается он. – В глаза лицемерное товарищеское участие, а за глазами гадости и пакости без конца. Неужели закон вражды, злостной конкуренции и хитренького мелочного карьеризма, который ворочал всем старым, прогнившим общественным бытом и с которым он, Зудин, так неистово боролся и борется до сих пор?» – и Зудин даже, судорожно сжав, подымает вверх кулаки – «неужели он так силен, этот проклятый закон, что разъедает самое святое, самое крепкое, что только существовало для Зудина – партию?!»

Он досадливо и зло ухмыляется.

<...>

Зависть, подсиживание, коммунистическое лицемерие, революционное ханжество!..

Злость закипает и клокочет в Зудине, давя ему грудь.

- Довольно! – кричит он кому-то, – довольно! Я положу всему этому конец!

Бледная правда:

Аверьянов – рыжий, длинноусый, длинноногий, неуклюжий в зеленой гимнастерке, в защитных штанах, в бурых огромных растоптанных катанках, махал руками, ругался, грозил:

- Всех к стенке! Все сволочи! Жулье!
 Кровью наливались, красными рубинами лезли из медно-желтой оправы век узкие, косоватые глаза комиссара, огнем пылала всклокоченная рыжая жесткая грива волос.
 - Тигра! Чистая тигра!

(Зазубрин 1990, 96)

В обоих произведениях драма героев связана с бытовыми обстоятельствами: как Зудин, так и Аверьянов приговариваются к расстрелу по ложному обвинению – один в вымогательстве, другой в крупных хищениях. Объединяет служебную атмосферу, в которой находятся герои, мотив лицемерного участия сослуживцев. В «Шоколаде» ведущая роль в клевете на героя отведена Елене Вальц, в «Бледной правде» пособницей антигероя Латчина становится вдова Ползухина. Фамилии героинь, при всей разности их звучания, схожи по значению: и та, и другая по-своему **вползают** в жизнь героев: Вальц мягкими, «вальсирующими» приемами обольщения, Ползухина – грубыми, примитивными. В обоих произведениях есть ситуация соблазнения, которой противодействуют герои: Зудин – из «чувства класса», к которому не принадлежит Вальц, Аверьянов – из-за брезгливости к Ползухиной. Обольщение, к которому прибегает Ползухина, оборачивается ее избиением, граничащим с изнасилованием: так происходит высвобождение ненависти героя к ней и к ее соучастнику Латчину, выраженное в характерной для Зазубрина экспрессивной манере письма¹⁰:

Аверьянов рванулся всем телом, затряс головой, плечами. Но руки у Ползухиной цепки, как лапки зверька. В зеленом платье, зеленой ящерицей впиалась. Не оторвешь. Тяжело шагнул к кровати. Свалились, провалились в мягком пуху перины. Крепким, костлявым кулаком левой руки ткнул в левый бок против сердца. Охнула, разжала руки ...

- Сука! Сучье вымя! Вам бы только жрать сладко! Красть! Краденое жрете! Ну-ка, я посмотрю, что у тебя за устройство. Тьфу! Сволочь. Все как у всех! Всем голодать, а вам жир нагуливать. Я вам с Латчиным покажу мягкие диваны, песчовые меха! Сволочи!..

(Зазубрин 1990, 109)

Показательно, что Аверьянова, как и Зудина, приговаривают к расстрелу не за преступления, которые суду не удалось доказать, а за то, что он «дискредитировал советскую власть» (Там же, 135).

Как и в «Шоколаде», в «Бледной правде» детально воспроизведен ход процесса. Но если в повести Тарасова-Родионова решение принимает «тройка», то в рассказе Зазубрина показано открытое заседание суда, где есть трое судей и два обвинителя: государственный и общественный, а также «зрители-слушатели», родные и знакомые подсудимых. То есть делу придан юридический статус, что свидетельствует об окончании эпохи «красного террора». Вместе с тем, ни у судей, ни у обвинителей нет юридического образования. Плохо разбирающиеся в существе дела, они выступают

¹⁰ О поэтике «Бледной правды» см.: (Проскурина 20186).

в качестве судей «в порядке партдисциплины»: трое из них крестьяне, один рабочий, «и только общественный обвинитель – беллетрист Зуев – был интеллигент» (Там же, 115). В его фамилии слышится переключка с героем «Шоколада» Зудиным. Зуеву единственному из всех в ходе процесса открывается невиновность Аверьянова, остальные члены суда и «зрители-слушатели» готовы осудить его, поскольку для них он «матерщинник... грубиян... грабитель... выгребал последний хлеб... беспощадный комиссар», «кровожадная тигра» (Там же, 125), то есть олицетворение военного коммунизма, от которого сидящие в зале крестьяне, свозившие на склады заготконторы продовольствие, натерпелись несправедливости.

При понимании невиновности Аверьянова Зуев в своих «бессвязных мыслях», как и Зудин Тарасова-Родионова, пытается убедить самого себя в целесообразности жертв Революции. Причем, сквозной метафорой «человека-щепки» сигнализируется единство авторской позиции в рассказе и повести Зазубрина:

Революция – мощный, мутный, разрушающий и творящий поток. Человек – щепка. Люди – щепки. Но разве человек-щепка конечная цель Революции? Через человека-щепку, через человеческую пыль, ценою отдельных щепок, иногда, может быть, и ненужных жертв, ценою человеческой пыли, к будущему прекрасному человечеству!.. Но что это? Я, кажется, начинаю оправдывать Революцию? Разве она нуждается в оправданиях? Она, рождением своим показавшая, что человек еще жив, что у него есть будущее!..

(Там же, 136)

Этих рефлексий лишен репортер губернской газеты Быстрый, фамилия которого недвусмысленно соотносится с главным обвинителем героя «Шоколада» Шустрым:

...Крестьянин, будь спокоен, твои обиды отомщены – разграблявший твоё трудовое достояние... вор, взяточник... “кровожадная тигра”, по твоему меткому выражению... Аверьянов приговорен к расстрелу и будет расстрелян...

(Там же)

Кроме сюжетных и именных переключек, есть в двух произведениях и поэтические соответствия. Они связаны с поэтикой городских слухов и сплетен: в «Шоколаде» это слухи о наступлении Белой армии, в «Бледной правде» – молва о кражах в ведомстве Аверьянова, куда встраивается канцелярско-бюрократический комплекс мотивов, сопровождающийся, как и в тексте Тарасова-Родионова, обилием шипящих, скрежещущих звуков:

Шоколад:

Как будто бы толстые змеи в черной норе, ползают городом сонные сплетни ... Шепот клубящихся сплетен несется вместе с извилами чадного ладана и гарью восковых огарков и расплзается быстро по всем закоулкам ушей.

- В-вы знаете? шу-шу-шу...

- Коммунисты бегут, словно крысы... шу-шу...

- Троицкий Ленина сам зарубил косарем, вот ей-богу, не встать мне с этого места... шу-шу...

Бледная правда:

С черными дымящимися змеями обозов ползли по городу, расплзались по уезду черные черви слухов. Черные, липкие, холодные черви облепляли головы мужиков:

- разоряют, крадут, гноят... разоряют, крадут, гноят... красная тигра Аверьянов... красная тигра пьет крестьянскую кровь...

Аверьянов – как не слышал, как не видел... <...> корявыми, негнуцимыми пальцами расписывался, нагораживал заборчики негнуцимых, ломаных букв.

Не любил эти часы. Не любил бумагу.

Шипит, шипит в ушах, и слов много непонятных...

Шиши,... дебет... кредит... шиши... пассив, актив... шиши.

И все это непонятное, шелестящее, шипящее нужно загораживать заборчиком своих подписей.

(Зазубрин 1990, 99)

Особенно отчетливо рецептивный характер «Бледной правды» в приведенном фрагменте проявлен в первой фразе: «черные дымящиеся змеи обозов» – явная перифраза «толстых змей в черной норе». В обоих произведениях эти определения служат метафорой бесконтрольно распространяющихся слухов и сплетен.

Не исключено, что приведенные переклички в тексте «Бледной правды» с текстом «Шоколада» являются сознательными авторскими маркерами, указывающими на творческий диалог Зазубрина с Тарасовым-Родионовым. Ряд названных предположений можно дополнить еще одним: мирная, дореволюционная профессия героя «Бледной правды» – кузнец:

...кузница, задымленная, закопченная, черная кузница. И сам черный среди черных, в поту, в дыму, в чаду напрягал под черной кожей красные, раскаленные работой железные сгустки мускулов, сжимал клещи клещами железных пальцев, гремел железом, железный сам – мыл, плющил, ковал железо.

(Там же, 92)

Кроме ассоциации с образом «железного рыцаря революции», этот фрагмент может восприниматься как развернутая метафора деятельности литературного объединения «Кузница», состоящего из пролетарских писателей, в которое входил Тарасов-Родионов. Членом «Кузницы» был поэт Филипп Шкулёв – автор стихотворения, ставшего известной песней «Кузнецы» (1906), пафос которой перекликается с приведенным выше изображением кузницы в рассказе Зазубрина:

*Мы кузнецы, и дух наш молод,
Купим мы к счастью ключи!
Вздвигайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи!*

(Шкулёв)

И еще одно, на наш взгляд, неслучайное совпадение: «Шоколад» имеет жанровый подзаголовок «фантастическая повесть». В «Бледной правде» свои «разрозненные, бессвязные мысли» беллетрист Зуев называет «беллетристическими фантазиями». «Подыгрывает» этому названию театральная атмосфера суда над Аверьяновым,

происходящего в «зрительном зале Нардома имени Ленина, где на стенах тусклой клеевой краской были написаны розовые музы, белые вазы, зеленые парки, синие пруды, желтые цветы и серебряные лебеди» (Зазубрин 1990, 115). Однако многочисленные примеры из истории «красного террора» показывают, что ничего «фантастического» в произведениях Тарасова-Родионова¹¹ и Зазубрина нет. Для авторов же это определение было своего рода оберегом от нападков цензуры. Хотя уберечь ни себя, ни свои произведения ни тому, ни другому не удалось. Первое переиздание «Шоколада» после 1930 г. было осуществлено лишь в 1990 г. в сборнике «Трудные повести». «Бледная правда» после своей единственной публикации в 1923 г. была переиздана усилиями Н. Яновского в 1972 г. во втором томе «Литературного наследства Сибири». Не последнюю роль в длительном отсутствии новых публикаций сыграла бескомпромиссность позиции Зазубрина, выраженная в жестком сюжете рассказа, экспрессивности, натуралистичности поэтики. Жизнь обоих писателей оборвалась в конце 1930-х гг.: в 1937 г. был расстрелян Зазубрин, в 1938 – Тарасов-Родионов.

Литература

- Воронский, А. 1923. Литературные заметки. *Красная новь* 1, 290–305.
- Зазубрин, В. 1990. *Общежитие*. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство.
- Колесникова, Р. 2007. В ошалевшей от горя России... (О повести Зазубрина «Щепка»). *Каменный мост. Литературно-художественный альманах*. Томск, 420–444.
- Литературное наследство Сибири*. 1972. / редкол.: Н. Н. Яновский (гл. ред.) [и др.]. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство. Т. 2.
- Проскурина, Е. Н. 2018. Перипетии поэтики В. Зазубрина в зеркале литературной судьбы (на материале романа «Два мира» и повести «Щепка»). *Сюжетология и сюжетография* 1, 64–81. <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2018-1-64-81>.
- Проскурина, Е. Н. 2018а. «Общежитие» В. Зазубрина как «неудавшийся» рассказ (на материале критических оценок современников и партцензуры). *Сибирский филологический форум* 4, 4–18.
- Проскурина, Е. Н. 2018б. Приемы авангардной поэтики в рассказе В. Зазубрина «Бледная правда». *Сюжетология и сюжетография* 2, 35–40. <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2018-2-36-41>.
- Рыцарь революции: воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском*. 1967. Москва: Политиздат.
- Симбирцев, И. 2008. *ВЧК в ленинской России. 1917–1922: В зареве революции*. Режим доступа: http://www.plam.ru/hist/vchk_v_leninskoj_rossii_1917_1922_v_zareve_revoljucii/index.php [см. 22 01 2019].
- Словесность, растворенная в эфире: 30 лет программе Радио «Свобода» «Экслибрис». Интервью. *Textura*. Режим доступа: <http://textura.club/clovesnost-rastvoryonnaya-v-efire/> [см. 07 02 2019].
- Тарасов-Родионов, А. И. 1992. Последняя встреча с Есениным. *С. А. Есенин. Материалы к биографии*. Москва: Историческое наследие. Режим доступа: <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/tarasov-rodionov-a-i-posledniaia-vstrecha-s-eseninym> [см. 15 12 2018].
- Тарасов-Родионов, А. *Шоколад*. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tarasowrodionow_a_i/text_1922_shokolad.shtml [см. 22 01 2019].
- Тишков, А. В. 1974. *Дзержинский*. Москва: Молодая гвардия.

¹¹ Как отмечено мемуаристами и биографами Дзержинского, повесть написана по следам реальных событий. Прототипом Зудина был член коллегии Петроградской ЧК Д. Чудин, расстрелянный 23 августа 1919 г. См.: (Рыцарь революции... 1967; Тишков 1974).

- Фельдман, Д., Щербина, А. 2007. Грани скандала: повесть А. И. Тарасова-Родионова «Шоколад» в политическом контексте 1920-х годов. *Вопросы литературы* 5. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/5/fe8.html> [см. 20 01 2019].
- Шенталинский, В. 2007. Расстрельные ночи. *Звезда* 4, 67–102. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/4/sh6.html> [см. 15 11 2018].
- Шиль, С. Н. 2018. *Крымские записки. 1916–1921*. Москва: Новый хронограф.
- Шкулев, Ф. *Кузнецы*. Режим доступа: <https://slova.org.ru/shkulev/kuznetsymyuznetsy/> [см. 31 01 2019].
- Яновский, Н. 1971. Несобранные произведения Владимира Зазубрина двадцатых годов. *Сибирские огни* 8.
- Яранцев, В. 2012. *Зазубрин. Человек, который написал «Щепку»*. Новосибирск.

References

- Fel'dman, D., Shcherbina, A. 2007. Grani skandala: povest' A. I. Tarasova-Rodionova «Shokolad» v politicheskom kontekste 1920-kh godov. [Facets of scandal: The Story “Chocolate” by A. I. Tarasov-Rodionov in the political context of the 1920s]. *Voprosy literatury* 5. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/5/fe8.html>. Accessed: 20 January 2019.
- Ianovskii, N. 1971. Nesobrannye proizvedeniia Vladimira Zazubrina dvadtsatykh godov. [Unsorted works of the 1920s by Vladimir Zazubrin]. *Sibirskie ognii* 8.
- Iarantsev, V. 2012. *Zazubrin. Chelovek, kotoryi napisal «Shchepku»*. [Zazubrin. The person who wrote the “The Chip”]. Novosibirsk.
- Kolesnikova, R. 2007. V oshalevshey ot gorya Rossii... (O povesti Zazubrina «Shchepka»). [In Russia, dumbfounded by grief... (About the story by Zazubrin “The Chip”)]. *Kamennyi most. Literary and artistic almanac*. Tomsk, 420–444.
- Literaturnoe nasledstvo Sibiri*. 1972. [Literary heritage of Siberia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ. Vol. 2.
- Proskurina, E. N. 2018. Peripetii poetiki V. Zazubrina v zerkale literaturnoy sudby (na materiale romana «Dva mira» i povesti «Shchepka»). [Peripetia of poetics by V. Zazubrin in the mirror of literary destiny (on the novel “Two worlds” and the story “Chip”)]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* 1, 64–81. <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2018-1-64-81>.
- Proskurina, E. N. 2018a. «Obshchezhitiiye» V. Zazubrina kak «neudavshiysya» rasskaz (na materiale kriticheskikh otsenok sovremennikov i parttsenzury). [“Dormitory” by V. Zazubrin as a “failed” story (based on critical assessments of contemporaries and party censorship)]. *Sibirskiy filologicheskiiy forum*. [Siberian philological forum] 4, 4–18.
- Proskurina, E. N. 2018b. Priemy avangardnoi poetiki v rasskaze V. Zazubrina «Blednaia pravda». [Methods of avant-garde poetics in the V. Zazubrin’s story “The Pale Truth”]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* 2, 35–40.
- Rytsar' revolyutsii: vospominaniya sovremennikov o Felikse Edmundoviche Dzerzhinskom*. 1967. [Knight of the Revolution: the memoirs of contemporaries: Felix Edmundovich Dzerzhinsky]. Moscow: Politizdat Publ.
- Shentalinskii V. 2007. Rasstrel'nye nochi. [Shooting nights]. *Zvezda* 4, 67–102. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/4/sh6.html>. Accessed: 15 November 2018.
- Shil', S. N. 2018. *Krymskiye zapiski. 1916–1921*. [Crimean notes. 1916–1921]. Moscow: Novyi khronograf Publ.
- Shkulev, F. *Kuznetsy*. [Blacksmiths]. Available at: <https://slova.org.ru/shkulev/kuznetsymyuznetsy/>. Accessed: 31 January 2019.
- Simbirsev, I. 2008. *VChK v leninskoy Rossii. 1917–1922: V zareve revolyutsii*. [VChK in Lenin’s Russia. 1917–1922: In the glow of the revolution]. Available at: http://www.plam.ru/hist/vchk_v_leninskoi_rossii_1917_1922_v_zareve_revolyucii/index.php. Accessed: 22 January 2019.
- Slovesnost', rastvorionnaya v efire: 30 let programme Radio «Svoboda» «Ekslibris». Interv'yu. [Literature dissolved on the air: 30 years of the Radio Liberty Exlibris program. Interview]. *Textura*. Available at: <http://textura.club/clovesnost-rastvoryonnaya-v-efire>. Accessed: 07 February 2019.
- Tarasov-Rodionov, A. I. 1992. Poslednyaya vstrecha s Yeseninym. [Last meeting with Yesenin]. *S. A. Yesenin. Materialy k biografii*. [S. A. Yesenin. Materials to Biography]. Moscow: Istoricheskoe nasledie Publ. Avail-

table at: <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/tarasov-rodionov-a-i-posledniaia-vstrecha-s-eseninym>.

Accessed: 15 December 2018.

Tarasov-Rodionov, A. *Shokolad*. [Chocolate]. Available at: http://az.lib.ru/t/tarasowrodionow_a_i/text_1922_shokolad.shtml. Accessed: 22 January 2019.

Tishkov, A. V. 1974. *Dzerzhinskiy*. [Dzerzhinsky]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.

Voronsky, A. 1923. Literaturnyye zametki. [Literary notes]. *Krasnaya nov*' 1, 290–305.

Zazubrin, V. 1990. *Obshchezhitnye*. [Dormitory]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstv Publ.

V. Zazubrino „Šipulys“ ir „Blyški tiesa“ ir A. Tarasovo-Radionovo „Šokoladas“
kaip „netinkami“ kūriniai: „raudonojo teroro“ klausimas XX amžiaus
trečiojo dešimtmečio literatūroje

Jelena Proskurina

Santrauka. Straipsnyje pasitelkus mažai žinomą medžiagą analizuojama „raudonojo teroro“ problema. Rašytojo Vladimiro Zazubrino apsakymas „Blyški tiesa“ (1923) tarybiniais metais buvo publikuotas tik kartą – 1923 m., o apysaka „Šipulys“ (1923) buvo išleista 1989 m., jau po autoriaus mirties. Aleksandro Tarasovo-Radionovo apysaka „Šokoladas“ (1922) kelis kartus buvo išleista trečiame dešimtmetyje, tačiau vėliau pamiršta. Straipsnyje aptariami neiškūs „Šipulio“ kūrimo epizodai, analizuojamas kūrinio siužeto, herojaus paveiklo, nesutampančio su „geležiniams revoliucijos riterio“ kanonu, savitumas, taip pat atskleidžiami tipologiniai „Šipulio“ ir apysakos „Šokoladas“ bruožai bei tapatumai, nes pastarojoje taip pat vaizduojama dramatiška herojaus-čekisto istorija. Straipsnio autorė atkreipia dėmesį į recepcinį Zazubrino apsakymo „Blyški tiesa“ ir „Šokolado“ dialogą: abiejuose kūrinuose revoliucijai pasišventę herojai tampa jos nekaltomis aukomis. Akivaizdžios ir kūrinų patoso – siekio pateisinti „raudonąjį terorą“ vardan „nuostabaus ateities žmogaus“ – sąsąukos. Bendrą „Blyškios tiesos“ ir „Šokolado“ elementų randama tiek svarbiausių personažų paveiksluose, tiek poetikos srityje. Straipsnyje aptariamas ir Zazubrino bei Tarasovo-Radionovo „netinkamumo“ tarybinėje literatūroje, jų nepritapimo prie ideologinės epochos klausimas.